

Куксин Иван Николаевич,
д.ю.н. проф., заслуженный юрист России,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
(НИУ «БелГУ», Белгород)

О ПОНЯТИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА¹

В числе публичных механизмов обеспечения государственного суверенитета особое место занимает законодательство, база которого признанно отражается в конституции государства. От эффективности реализации законодательства во многом зависит защищенность суверенитета. По словам Г.В. Мальцева, над суверенной властью государства не стоят законы иной власти². Это значит, что никто не может издавать в отношении суверенной власти обязательные приказы и принудительно их обеспечивать.

Разработка проблемы определения эффективности законодательства, правовых норм относится к 60-м годам XX столетия. Это объясняется тем, что в указанный период наступил новый этап в либерализации общественных отношений. Данное обстоятельство позволило принять в 1958 году новые Основы законодательства Союза ССР и союзных республик по судостроительству, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. В 1961 г. издаются Основы гражданского законодательства и Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. На их основе РСФСР принимает собственные кодифицированные акты: в 1960 г. – Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы и Закон «О судостроительстве», в 1964 г. – Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы. В этой связи одной из основных задач, стоящей перед юридической наукой, являлась подготовка научно обоснованных рекомендаций по подготовке и совершенствованию советского законодательства. Эта деятельность потребовала предварительного осмысления подходов к оценке социальной эффективности тех правовых норм, которые предполагалось совершенствовать. Именно в этот период закладывается начало на систематической основе исследовать отдельные сферы правового регулирования (трудо-

¹ «Данная работа выполнена с использованием Справочной Правовой Системы Консультант-Плюс».

² См.: Мальцев Г.В. О распределении власти в обществе // Политика и общество. 2009. № 10. С. 14.

вое, семейное, уголовное право)¹. Все это предопределило необходимость разработки основ методологии изучения эффективности правовых норм для проведения соответствующих исследований в различных отраслях права по единообразной методике.

Среди первых ученых, положивших начало разработки методологии изучения оценки эффективности права, следует отметить С.С. Алексеева, А.Б. Венгерова, В.В. Глазырина, В.П. Казимирчука, Д.А. Керимова, В.Н. Кудрявцева, Б.М. Лазарева, В.В. Лапаеву, В.И. Никитинского, А.С. Пашкова, А.С. Пиголкина, И.С. Самощенко, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова, Л.С. Явича и др.²

Анализ доктринальной литературы, посвященной проблеме изучения эффективности правовых норм, показывает, что она по-прежнему находится в центре внимания ученых и практиков³. Это объясняется тем, что формирование новой российской правовой системы, на основе принятой в 1993 году Конституции Российской Федерации, обязывает законодателя осуществлять мониторинг за действием принятых законов, чтобы вовремя осуществлять их корректировку. Для этого юридическая наука должна предлагать законодателю методологический и фактологический материал. Это позволяет правотворческим органам, прежде чем заниматься подготовкой новых нормативных правовых актов, осуществлять наблюдение за действием уже принятых законов. Таким образом, дать информацию об эффективности законов, об их влиянии на волю и сознание людей – значит, во многом предопределить успех будущих нормативных правовых актов.

Когда речь идет о выработке методики изучения эффективности правовых явлений возникает вопрос: эффективность чего изучает ис-

¹ См. напр.: Злобин Г.А. О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии // Вопросы предупреждения преступности. Вып. 1. 1965. С. 60; Глазырин В.В., Лаптева В.В. Эффективность норм о материальной ответственности. – Труды ВНИИСЗ, М., 1978. №12; Курагин Г.Г., Попов Л.Л. Факторы эффективности административно-правовых санкций. // Правоведение, 1974. №4; Смирнов О.В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., 1968.

² См., напр., Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. М., 1980; Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993; Павлодский Е.А. Определение эффективности правовых норм с помощью корреляционного анализа // Эффективность закона (методология и конкретные исследования). М., 1997. Марочкин С.Ю. Проблемы эффективности норм международного права. Иркутск, 1998 и др.

³ Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб, 2009; Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом. // «Журнал российского права», 2005, № 4; Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирин А.М. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм. «Журнал российского права», 2008, № 8 и др.

следователь – «эффективность в праве», «эффективность права» или «эффективность норм права» («норм законодательства»? Представляется, что постановка этого вопроса носит не только теоретический, но и сугубо практический характер.

На уровне теоретического исследования о соотношении этих понятий заслуживает внимания предложенный С.А. Жинкиным подход, согласно которому термин «эффективность в праве» является предельно широкой категорией. Что касается понятий «эффективность права» и «эффективность норм права» их следует четко разграничивать и не допускать смешения¹. Выяснения соотношения указанных понятий имеет принципиальное значение. Что изучает в конечном итоге исследователь: уровень эффективности права или уровень эффективности норм законодательства?

Если исходить из понимания права как системы общеобязательных, установленных и обеспечиваемых государством норм, предназначенных для регулирования отношений в обществе, то очевидно речь идет об изучении эффективности норм законодательства.

Однако современная трактовка права сводится не только к системе норм, исходящих от государства. По утверждению Г.В. Мальцева, «Сейчас трудно предсказать детально каким оно будет в XXI веке, но ясно, что понимание права ... будет основано на интеграции общественного и естественного знания, на существенно переосмыслении привычных для нас представлений о связях общества, природы, космоса, биологического и социального, рационального и иррационального»². Но уже сегодня право рассматривается как социально-духовный регулятор, многогранное и многоаспектное явление. Следовательно, та часть норм, которая содержится в нормативных актах, представляют собой нормы законодательства. При таком подходе следует ограничивать право как явление культуры, социально-духовного регулятора общественной жизни от «норм права, которые в данном контексте правильнее называть нормами законодательства»³. Итак, основным ведущим элементом в триаде «эффективность в праве», «эффективность права» и «эффективность правовых норм» является понятие «эффективность правовых норм». Таким образом, одним из основных вопросов, который является дискуссионным в связи с разработкой методологии изучения

¹ Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб, 2009. С.20, 29.

² Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С.408.

³ Жинкин С.А. Указ. соч. С.33.

эффективности законодательства, является содержание понятия «эффективность правовых норм».

С момента начала научных исследований, имевшим предметом выработку определения понятия «эффективности правовых норм» («эффективность права»), можно выделить несколько точек зрения, так как среди ученых-юристов нет еще полного единства взглядов на проблему, что следует понимать под эффективностью правовых норм. Анализируя научные подходы, изложенные в научных статьях 60-х годов XX столетия видно, что ученые-юристы, разрабатывая методологию изучения эффективности законодательства, понятия «эффективность правовых норм» и «эффективность права» не разрывали.

Если обобщить различные подходы к определению эффективности норм права (например, на первых порах, когда правовая наука еще только начинала обсуждение указанной проблемы, это понятие полностью или частично отождествлялось с оптимальностью, правильностью, обособленностью, целесообразностью самих норм права¹; эффективность права также трактовалась как результат его действия, как оптимальное достижение целей лежащих в основе соответствующих норм², некоторые авторы включали в указанное понятие все результаты действия права, другие только те, которые полезны для общества³), то наиболее разработанной в теоретическом плане является концепция, основана на соотношении между фактически достигнутым результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие нормы. Доказательством такого утверждения являются то обстоятельство, что любая правовая норма принимается ради того, чтобы обеспечить определенные, заранее запланированные изменения или закрепление в правовых отношениях. Давать оценку результатов действия правовых норм можно только на основе их сопоставления с прогнозируемыми, т.е. степенью достижения соответствующих целей правового регулирования.

Таким образом, обобщая подходы различных авторов по вопросу, что следует понимать под эффективностью норм права, можно утверждать, что данное понятие может быть определено как соотношение

¹ Керимов Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М., 1960

² См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966; Лебедев М.П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. М., 1963. №1.

³ См.: Пашков А.С. Чечет Д.М. Эффективность правового регулирования и методы его выявления // Советское государство и право. 1965. №8.; Самощенко И.С., Никитинский В.И. О понятии эффективности правовых норм // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 18. М., 1969.

между фактическим результатом действия правовых норм и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы приняты¹.

В чем ценность такого определения? Оно указывает на необходимость сравнения, сопоставления полученного результата с социальной целью. В тоже время данное определение нельзя рассматривать в качестве измерительного инструмента. Оно служит лишь методологической основой для подхода к изучению проблемы эффективности норм права.

Мархгейм Марина Васильевна,
д.ю.н., проф., заведующая кафедрой
конституционного и муниципального права
(НИУ «БелГУ», Белгород)

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Суверенитет относится к числу тех категорий, которые неизменно привлекают внимание ученых – представителей различных гуманитарных наук. Прикладываются усилия по его понятийному уточнению, содержательному раскрытию, субъектной принадлежности, видовому анализу и т.п. Наиболее ёмко данные аспекты суверенитета рассматриваются юридической наукой, помимо прочего, потому, что через их понимание формируются публичные механизмы его охраны и защиты². Предлагаем обратиться к исследованию доктринальных и конституционных траекторий именно государственного суверенитета.

Суверенитет относится к тем атрибутам государства, по поводу которых сформировался относительный доктринальный консенсус. Можно утверждать, что государство опосредуется совокупностью материальных (территория и население) и «абстрактных» (власть, суверенитет) признаков. При этом собственно суверенитет делает государство государством, а претензия на суверенитет опосредует возникновение нового.

По мнению В.Д. Зорькина, суверенитет позволяет государству

¹ Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. – М.: Юрид. лит., 1980. – С.22.

² См., например: Иванов В. Теория государства. – М.: Территория будущего, 2010. 272 с.; Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М.: Норма, 2011. 144 с.; Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2013. 400 с.; Тихомиров Ю.А. Государство: монография. М.: Норма, 2013. 320 с.; Ханс-Адам II Государство в третьем тысячелетии / Ханс-Адам II, Правящий Князь Лихтенштейна; [пер. с англ. – А.Б. Мухаметшин]. М.: Инфротропик Медиа, 2012. 320 с.